

ИРИНА
ТИС

18+

Иногда герой –
это просто чудовище,
но на правильной стороне.

ДЕМОН РИДА

Ирина Тис

Демон Рида

Серия «Безумны вдвоем»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73993412

Демон Рида:

ISBN 978-5-04-247102-5

Аннотация

Профессор Бенджамин Рид – гений психологии, любимец студентов и незаменимый консультант полиции. Он знает, как думают преступники, потому что сам хранит темный секрет. Демон, живущий внутри, просыпается по ночам и вершит правосудие над теми, кто проливал кровь и скрылся от наказания. Каждое убийство безупречно. Ни следов, ни ошибок. Только обещание: расплата неизбежна.

Рид верит, что его тайна надежно защищена, пока в аудитории не появляется София Петерсон – студентка с блестящей репутацией и биографией, в которой слишком много пробелов. Она говорит мало, слушает внимательно и никогда не задает лишних вопросов. Девушка не смотрит на Рида с восхищением. Она смотрит так, будто сверяет факты. И это тревожит.

Когда в городе появляется убийца, называющий себя Зодаком, Рид сразу понимает: это приглашение к игре. Бенджамин должен добраться до него раньше, чем будет сделан последний ход.

Потому что если София раскроет истину первой, правила будет диктовать уже не он.

Содержание

Плейлист	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Тис

Демон Рида

© Ирина Тис, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Плейлист

- ▶ Marilyn Manson – Sweet Dreams (Are Made of This)
- ▶ Måneskin – I wanna be your slave
- ▶ Massive Attack – Teardrop
- ▶ BANKS – Beggin for Thread
- ▶ Deftones – Change (In the House of Flies)
- ▶ Marilyn Manson – Kill4me
- ▶ XOLIDAYBOY – Люмены
- ▶ XOLIDAYBOY – Love Again
- ▶ Portishead – Roads
- ▶ The Weeknd – Call Out My Name

Глава 1

Сладострастие

Знаете, сейчас я ощущаю себя самым счастливым человеком на планете Земля. Я чувствую такое умиротворение, несмотря на то что в крови бушует адреналин. Мои руки точны, движения выверены, я знаю, что сделаю в следующую секунду.

Все всегда спланировано. Идеально. Без недоразумений.

Даже сейчас, когда я стою с острым скальпелем в руке, я знаю наверняка, чего ожидать. Через тридцать секунд раздастся крик, который будет лишь походить на булькающий хрип, я всегда знаю, какую мышцу нужно подрезать, чтобы жертва не могла издать лишнего звука. Предпочитаю работать в тишине, не люблю слышать оправдания: как они говорят о том, что не виноваты, что это случайное стечение обстоятельств, что он сбил человека и уехал с места аварии, или случайно застрелил продавца в магазине, трижды нажав на курок. Я слышал уже десятки этих историй, они неинтересны.

У человека всегда есть выбор, как поступить. Виновник аварии мог остановиться и помочь сбитой женщине. Если бы он не покинул место ДТП, она бы осталась в живых. А ее сын не остался бы сиротой. Тогда бы у меня была бы совершен-

но иная история. Интересно, насколько я был бы другим? Я и сам не могу ответить на этот вопрос, но сейчас я точно знаю, что поступаю справедливо, пусть и неправильно. Если бы однажды пьяный водитель остановился или не сел за руль, стоял бы я сейчас здесь с острым скальпелем в руках, перерезая голосовые связки? Жаль, что я еще не придумал другого способа, как заглушить жертв. Этот метод для меня излишне грязен. Можно, конечно, заклеивать рот скотчем, но я люблю, когда они полностью обнажены перед своим финалом. Они такие слабые и никчемные. Люди, которые поверили в то, что им все можно. Что им все сойдет с рук и закон на их стороне. В такие моменты, когда они понимают, что скоро настанет конец, они возбуждаются.

Сладострастие.

Один из грехов каждого, кто лежал на этом столе. Но я не буду лгать, что это не единственная реакция организма. Есть и более грязные, более отвратительные. Как я и думал. Тридцать секунд – и он открыл глаза. Блеклые и серые, с желтоватым белком. На его лице выступила испарина, которая уже начала собираться в капли пота, что скоро начнут стекать по коже.

Ненавижу.

Сейчас передо мной на столе связанный строительным серым скотчем лежит известный музыкальный продюсер Альфред Стоун. Он не просто так попал сюда, я долго ловил его на крючок. Десять месяцев назад полиция попросила со-

ставить психологический портрет насильника по словесному описанию жертвы. Она не видела его лица за маской, но она точно видела его движения и повадки. Он продержал ее связанной четыре дня, наслаждаясь беспомощностью и страхом. Девушка смогла выбраться, полоснув ножом Ахиллево сухожилие мужчины, и бежала так далеко, как только могла. Полиция проверила обращения с подобными травмами в больницы, но ни одного не было зарегистрировано. Я составил портрет по его манере стоять, излишней нервозности, движениям рук, уровню самоконтроля, способностям и интеллекту.

Я видел все их грехи. Я разберу каждый из них.

Такой человек, как Стоун, как правило, производит хорошее впечатление – обаятелен, следит за своим внешним видом и самочувствием, легко сходится с людьми, и плюс, он популярен в определенных кругах. И шанс, что кто-то подумает о нем неладное, почти минимален. Никто не сложил дважды два. Никто не искал его в далеком прошлом жертв. Альфред прятался за договорами и документами и не встречался с жертвой до самого последнего момента. После того как проходило время после окончания контракта, он выходил на нужную ему цель. Выходил, плел паутину и ловил. Он был аккуратен, его ничего не могло бы выдать, кроме одной незначительной детали.

Специфическая хромота и желание бросить курить.

Tabex¹ выдал его. Часть упаковочной фольги была найдена на месте нападения. Таблетки по полтора грамма помогли мне найти мистера Стоуна, раздеть, обмотать дряблое тело скотчем. После составления психологического портрета мне пришлось хорошо порыться в прошлом всех семи жертв, люблю это число. Все они занимались творческой деятельностью и мечтали о славе. И каждая получила ее.

Жаль, что посмертно.

Их именами пестрели желтые газеты, их обсуждали. Но ровно до тех пор, пока не выходил новый номер с интересным сканвордом. И каково было мое удивление, когда я увидел подставные названия фирм, которые в прошлом занимались раскруткой девушек. Ничего бы не вывело меня на него, если бы не наша общая борьба с никотиновой зависимостью и очередь за заказом в аптеке. Случайно повстречав прихрамывающего мужчину, я следил, искал улики и доказательства. Мог ли я сдать его полиции? Определенно нет. Это не в моем стиле.

В моем стиле – довести до предела, заставить пережить то, что и их жертвы. Заставить пройти через страх, боль, принятие и довести до беспамятства. Загоняя в агонию их же оружием.

А после этого собраться, вымыть руки, стол, замотать остатки в плотный целлофан, поместить в холодильник для рыбы, открыть небольшое окно для проветривания и при

¹ Tabex – снижает никотиновую зависимость.

возможности вывезти останки на яхте в залив.

– Мистер Стоун. – Я улыбнулся самой доброй улыбкой из своего арсенала, отчего страх на лице мужчины стал еще более заметен. Люблю такие моменты: их страх вызывает во мне желание жить, насыщает мою кровь кислородом. Ух. Мурашки пробежали по спине. Я говорил, что они возбуждаются перед смертью? Я соврал. Не одни они. Я тоже. Он убивал женщин, вырезая половые органы и насилая их после. Слишком грязно, как по мне, он сам вложил скальпель в мои руки. Он что-то хочет сказать, но лишь кровь выливается из его глотки красной вспененной жижей. Его часы уже начали обратный отсчет.

– Мистер Стоун, не нужно оправданий. Я вас прекрасно понимаю. – Надеваю второй комплект высоких перчаток, не хочется забрызгаться его кровью, одноразовый фартук мясника уже завязан, я готов. И настал тот момент, когда, испытав боль, унижение и страх, жертва возбуждается, адреналин несется по венам, а разум еще пытается соображать. Вы знали, что в древности воина, который бледнел при виде крови, брали на службу? А тех, кто краснел – нет. Стоун побледнел. Кровь отхлынула от его головы, прибывая в другое место.

Возбуждение.

А я, ухмыляясь, смотрю, как маленький сморщенный член наливается возбуждением, что не делает его больше.

– Хм. – Я готов нанести первый надрез, что выпустит фонтан крови, хотя, думаю, мне нужен защитный экран на лицо.

Альфред, видя, что я опустил руки, выдыхает, замечаю, как он мотает головой и пытается выбраться, но я предусмотрел все. И теперь еще и экран. Я с интересом рассматриваю объект, мое возбуждение сошло на нет, но его будто лишь возрастает. Каково это – залезть в голову убийцы? Каково знать его мысли, ощущать его страх, возбуждение, видеть, как пот стекает по лбу. Видеть, как он в шаге от черты. Я вам расскажу. Его рот издает интересный захлебывающийся звук, я, очевидно, перестарался, перерезая мышцу.

Слишком много крови.

Я не люблю кровь. Она тяжело отстирывается, ее сложно убрать из помещения, мне не нравится ее цвет и запах.

Нужно найти другой способ, как лишить человека голоса.

Но не чувств.

– Сладострастие, мистер Стоун, является одним из семи грехов. Сегодня мы лишим вас инструмента одного греха. И жизни.

Я дирижирую скальпелем, вижу, как он начал дергаться и зажмуривать глаза, будто надеясь, что из моих узлов можно выбраться. Я постарался на славу. Знал, что он будет против нашего небольшого представления. Разумеется, никто не хочет умирать, особенно молодые, невинные девушки.

– Мистер Стоун, а вы знали, что, исходя из мифов, усопшему клали на глаза монеты, чтобы он смог заплатить перевозчику Харону, который переправлял его в Царство мертвых через реку Стикс?

Его помутневшие глаза замирают, пристально изучая меня, будто стараясь запомнить. Но зачем? Он не выйдет отсюда живым. Я немного наклоняюсь перед его лицом, давая рассмотреть меня получше. Альфред Стоун ужасно волнуется, я чувствую это даже через платиновый экран. Страхом вперемешку с потом. Предпочитаю чистый запах ужаса. Без ненужных примесей.

Страх. Я ищу его.

Втягиваю аромат и опять ощущаю приятный жар возбуждения, но пот... портит все наслаждение. А его глаза смотрят и будто уговаривают меня перестать быть собой.

Но я же даже не начал.

Кровь струйкой вытекает из-под его тонких, когда-то обветренных губ, я вижу почти отвалившиеся чешуйки кожи. Не терплю такого отношения к своему телу. На секунду мне стало отвратительно находиться рядом.

– Думал, вы более щепетильны к себе, мистер Стоун. Я огорчен.

Он будто не понимает, а в его глазах – отчаянье. Мне это нравится. Его голова четко зафиксирована, он не может повернуть ее или излишне дернуть. Сжимаю скальпель сильнее.

Мой любимый момент.

– А вы знаете, что нельзя положить монеты, если глаза открыты?

Возможно, он догадался – мне это нравится, жаль, что от

него так смердит.

Альфред Стоун скулит, пытается выбраться. Тщетно.

Оттягиваю дряблое веко за редкие ресницы, и его мычание заставляет меня поморщиться. Слишком шумно. Скальпель плавно проваливается в плоть, отделяя уже ненужный кусок плоти, тончайший разрез. Я научился не повреждать сам глаз. Теперь он будет видеть все и больше не сможет закрыть глаза перед своими преступлениями. Этот процесс уже автоматизирован и занимает лишь несколько секунд. Аккуратно кладу веко на волосатую, быстро поднимающуюся грудь мужчины, обхожу стол и оттягиваю второе. Медленно, миллиметр за миллиметром, я отделяю кожу, наслаждаясь ювелирным процессом, не обращая внимания на то, как мужчина дергается, а из его рта все так же льется красная пена. Вот оно, опять возбуждение, на пороге смерти.

Сладострастие – и мой грех тоже. Один из моих любимых грехов.

Кладу второе веко рядом с первым и люблю картину. Идеально, если бы не кровь, заливающая лицо, и хрипы.

– Придержите коней. Мы только начали.

Обхожу его тело и подхожу туда, откуда начал. Мне даже становится немного грустно: сморщенный член больше не возбужден. А я надеялся узнать, каково это – отрезать эрекцию у самого основания. Он умрет в любом случае: или от потери крови, или от болевого шока. Мне все равно как, главное – от моей руки.

– Шесть девушек, мистер Стоун. Шестерым вы сделали «операцию по-живому», вы вырезали им половые органы, и я, признаться, так и не понял ваш мотив. Хотя они и были все на одно лицо. Рыжие. У вас любопытный вкус. Но я его и не поддерживаю, предпочитаю блондинок. А вы знали, – я придерживаю плоть и добираюсь к основанию члена скальпелем, чувствую, как тело дрожит; пока он в агонии, я наслаждаюсь, – вы знали, что третья жертва. – Я надавливаю, совсем немного, пуская кровь, которая сразу теряется в густой растительности. Я все еще огорчен его пренебрежением к себе. Ухоженные ногти Стоуна, идеальные манеры и выглаженные сорочки. Но тело, те участки, которые сокрыты, ужасны, обкусанные губы только чего стоят. – Третья жертва, Мелисса Майер, была девственницей. – А этот ублюдок мотает головой, будто не знает. – Ты знал. Ее единственную ты изнасиловал в начале. И ее единственную ты попробовал везде, я уверен, ты наслаждался ее криками и тем, как она вырывалась.

Мне становится скучно от процесса. Ожидание, охота, подготовка – они более завораживающие, чем последние минуты. Сейчас лишь рутина.левой рукой натягивает сморщенный член, я знаю, что он приготовился к худшему.

Но будет в тысячу раз хуже.

Начинаю медленно отделять кожу от основания, лицезрею потоки алой крови, когда добираюсь до артерии – я готов. Струя крови режется в защитный экран на лице, но я даже

бровью не повел. Не обращаю внимания на то, как трясутся конечности Стоуна.

Агония.

Я, признаться, удивлен его выносливостью. Я планировал, что он перестанет дышать еще до того, как я перережу артерии, но вот, окровавленный кусок сморщенного члена теперь лежит на груди рядом с веками.

– Ну, раз ты такой живучий, перейдем к мошонке.

Мне действительно стоит ускориться: через три часа начинается лекция, и сегодня ко мне присоединяется новая практикантка, София. Я замечал ее не раз за время ее обучения. Она скрывалась в тени лестничных пролетов, между стеллажами библиотеки, с головой утонувшую в текстах или ноутбуке. Я не вел у нее лекции, но все равно видел. Она всегда невинно отводила глаза, но в них я видел то, что видел в своих – тьму.

Глава 2

Похоть

Уже очень давно я понял, что мне присущи все смертные грехи. Все семь. Я люблю это число. Семь таинств, семь цветов радуги, семь дней недели, семь чудес света, семь Вселенских соборов и семь нот.

Но больше всего я люблю грехи.

Я люблю их все. Но самый мой любимый – это похоть.

Я аккуратно убрал тело в целлофан, обработал свое рабочее место химическим раствором, проверив все под ультрафиолетом, и открыл небольшое окно у потолка для проветривания. Сейчас это просто сарай для рыболовных принадлежностей у залива. Холодильник для заморозки рыбы и мистера Стоуна.

На стенах у меня висят удочки и рыболовные снасти, которыми я никогда не воспользуюсь. Но мне нужно место, где я смогу заниматься своим любимым делом. Мне нужно хорошее прикрытие. Я могу быть здесь раз в неделю, могу – раз в год. Все всегда зависит от обстоятельств. Я уже принял душ и готов покинуть свое укрытие, спрятанное у всех на виду. Стены покрыты слоем шумоизоляции, что позволяет мне делать то, что я должен, без лишних вопросов и свидетелей. Я никогда ничего не забираю у своих жертв. Мне

кажется, это в высшей степени нелогично. Зачем оставлять любой намек на мою связь с телами? Всегда есть небольшой шанс, что тела будут найдены. Как говорят, даже палка стреляет раз в год.

Я храню свой секрет уже очень давно.

Мне двадцать девять, и первое убийство я совершил в двенадцать. Уже десять лет я занимаюсь любимым делом. Это как хобби. Кто-то любит стрельбу, кто-то – гольф, я же люблю смотреть в полные ужаса глаза. Доводить жертв до состояния близкого к смерти и вдыхать запах страха. И сейчас, после того как я закончил с мистером Стоуном, мне необходима разрядка для тела. Почти все киношные «маньяки» любят приметные авто яркой расцветки, броские и редкие. Очень часто они предпочитают немецкие марки машин. Никогда не понимал почему. Отношу ли я себя к маньякам? Определенно нет. Я ни разу не причинил зла невинному существу. Я не убивал животных, не душил собак, не занимался поджогами. Моя рука поднималась только на определенный «сорт» людей. Гнилые, грязные, заставляющие невинные жизни обрываться. Я убиваю только тех, кто заслуживает этого. И я помогаю подойти им к черте, после которой их ждет лишь Ад.

Мой BMW уже довез меня до парковки университета, и я занял свое место 7В. Наручные часы показывают, что до начала лекции осталось сорок минут, а значит, я точно успею навестить декана. Сейчас она мне будет весьма кстати.

В Майами всегда слишком душно, но температура не заставит меня выглядеть менее представительно. Я никогда не откажусь от идеально выглаженной рубашки и брюк. Даже если термометр будет зашкаливать. Мне навстречу идут студенты университета, и каждый намерен поздороваться. Я не люблю лишнюю болтовню, кивок – это максимум моего приветствия для них. У меня есть четкое правило: не спать со студентками. Во-первых, они слишком глупы, во-вторых, меня не интересуют «отношения», а каждая вторая мечтает, чтобы я оказался принцем именно для нее. Но я определенно не принц. В-третьих, я не люблю излишние сплетни о себе. Хоть пару раз я был близок, чтобы нарушить свое правило, даже мне сложно отказаться от удовольствия, когда девушка встает на колени в одном белье. Но Шерон все равно ушла ни с чем. Сейчас она на последнем курсе, и девушка не сдастся. От мыслей меня отвлекает приближающаяся фигура мисс Петерсон. Она никогда не смотрела мне в глаза открыто и никогда не говорила со мной.

– Профессор Рид?

Ее голос приятный и тихий, она ни разу не обращалась ко мне лично до этого момента. Я смотрю на нее, она опять смущенно опускает глаза, но я же знаю, что там. Зачем эта наигранная стеснительность?

– Мисс Петерсон, рад слышать вас.

А она краснеет – удивительная способность женской натуры; в глазах черти, а на лице румянец.

– У вас ко мне вопрос? Я планировал поговорить с вами после лекции по поводу практики и диплома.

Мне нужно к декану, хоть мисс Петерсон и выглядит так, как я люблю, сейчас она мне не поможет. Она, будто заигрывающая, убирает прядь белых волос за ухо. Это не работает, милая. Это детские игры.

– Да, профессор, вы мне скинули материал вчера по почте, когда вам нужен план по ним?

О, милая Софи. Мне он не нужен вовсе, я уже сделал все сам. Доверие – не моя сильная сторона.

– После лекции задержитесь, и мы обсудим. Прослушайте ее вместе со студентами.

Ее голубые глаза больше не стесняются смотреть на меня, а аккуратные брови приподнимаются. Конечно, она хочет в дальнейшем получить свою группу студентов, а не слушать лекции профессора, с которым так неумело заигрывает. Но все ее поведение... она будто специально носит маску невинности. Ее глаза, в которых разве что не плещется тьма, черное кружево бюстгальтера, будто случайно выглядывающее из-за ворота розового свитера. Она вся слишком ненастоящая, ее поза открыта, пальчики спокойны, она не перебирает одежду ими, не сжимает и не прячется за скрещенными руками. Черная папка с бумагами прижата к правому боку, плечи расслаблены. Ей уютно, она не чувствует дискомфорта или стеснения. Даже ее румянец кажется спланированным. Почему мы никогда не разговаривали раньше? Как так слу-

чилось, что она завершила обучение в университете, но я никогда не вел у нее лекций?

– Хорошо, профессор.

Голос хоть и тихий, но твердый. Она начинает мне нравиться своей немногословностью. София разворачивается и, постукивая устойчивым квадратным каблуком туфель, уходит в сторону факультета психологии. Туда, куда мне будет нужно через тридцать минут. Ее коричневая юбка выше колен открывает прекрасный вид на стройные длинные ноги. Она определенно в моем вкусе. Нужно будет трахнуть ее, однажды, когда она перестанет быть моей практиканткой. А сейчас есть важное дело, которое не терпит отлагательств. Провожая взглядом свою практикантку дольше, чем было бы положено. А она будто знает, что я смотрю, и виляет бедрами, которым немного не хватает в объеме. Если вы решили поиграть, мисс Петерсон, вам не понравится. Я переключаюсь. Времени остается все меньше, и мне нужно в деканат.

Роза Мур, как обычно, в своем кабинете, мне не нужно стучать, для меня эта дверь всегда открыта. Роза наивно полагает, что я испытываю к ней романтические чувства. Она не глупа, но отчего-то слепа. То, что я не трахаю студенток, делает из меня мужчину ее мечты. Она недурна собой, хоть и не в моем вкусе. Декан следит за собой, что мне нравится в ней, Роза опрятна и замужем. Это дает возможность получать то, что мне нужно, не приглашая ее в ресторан. Я трахаю ее уже четыре года и до сих пор не знаю, какой ее любимый

цвет. Это идеальный вид отношений. У меня есть и другие женщины, которые приедут ко мне, если я этого пожелаю. Но сейчас мне нужно то, что миссис Мур делает лучше всего.

Закрываю дверь на замок, а она кладет трубку, закончив разговор. Щелчок замка дает четкий сигнал, что я пришел не по рабочему вопросу. С тех пор как я отрезал веки мистеру Стоуну, я чувствую возбуждение.

Похоть.

Мой любимый грех.

Мур встает с кресла, чтобы понять мой настрой. Нет, милая, сегодня трахать тебя я не буду. Во-первых, у меня осталось мало времени, а во-вторых, сегодня твоя помада слишком яркая, будто у женщины легкого поведения. Но на члене она будет смотреться идеально. Чувствовать твой вкус сейчас я не хочу. Она освобождает кресло и встает рядом с ним, думая, окажется она сегодня на столе или на коленях. За четыре года можно было бы и привыкнуть, милая. Колени – это место, где тебе позволено быть чаще. Я уважаю ее как декана, но не как женщину. Жена из нее получилась хуже начальницы. Я видел ее мужа один раз за все это время, сразу после того, как трахнул ее по окончании лекции. Ее довольная улыбка и испарина выдавали ее с потрохами. Она только слезла с моего члена, который до этого был в ее глубокой глотке, и поцеловала мужа в щеку при встрече. В тот момент я перестал уважать ее. И после того дня я не трахал ее больше за пределами ее кабинета. Она была хороша, опытна и

вынослива. Она была доступна в любом месте, куда бы мне захотелось, и не переживала, что мы не ходим на свидания. Сейчас я предпочитаю лишь ее глотку, изредка наклоняя ее саму над столом, давая и ей разрядку. По ее серым глазам, по тому, как она уже переминается с ноги на ногу, я вижу, чего она хочет. Прости, милая. Я подхожу и расстегиваю ремень, давая понять, что не сегодня. Возможно, мне стоит найти новую удобную глотку. Нужно будет присмотреться к своей практикантке в будущем. В ближайший год она будет ежедневно попадаться мне на глаза. Возможно, нужно будет добавить ее в список снятия напряжения после.

– Даже не скажешь мне доброе утро? – Роза прикусывает губу, но это действует на меня примерно... никак.

– Доброе утро, милая, – проявляю я манеры, которые лишние в ее компании.

Роза довольна этим обменом словами. Острые когти на моем животе отвлекают, Роза наивно думает, что ее маникюр меня возбуждает. Милая, меня возбуждает похоть, которая плещется в твоих глазах, а не твои излишне длинные ногти. Она опускается на колени – туда, где ее место было и в первый раз, когда она решила отсосать мне в комнате для переговоров четыре года назад. Это удобно – иметь рядом такой вариант. Только сейчас замечаю ее белую рубашку с глубоким декольте. Я рад, что она одета. Не люблю, когда Роза снимает с себя все, я видел лишь раз ее полностью обнаженной. Мне не понравилось. Бюстгальтер должен при-

держивать ее грудь, а юбка должна быть просто приподнята. Я люблю смотреть в глаза, когда трахаю ее. Они закатываются, они на грани потери реальности и сознания. Похоть. То, что я люблю. Она не церемонится, Роза уже стянула с меня брюки и боксеры, и я сажусь в ее кресло. Сколько раз я уже сидел в нем? Не знаю. И все разы оно мне неприятно. Обивка сначала холодит кожу, но после уже становится дискомфортно. Но сейчас я не хочу стоять. Она облизывает свои красные губы, немного смазывая помаду языком. Не люблю красный. Я расстегиваю пуговицы своего пиджака, устраиваясь поудобнее, и кладу руки на подлокотники кресла. Она слишком долго ждет. Будто пытается запомнить член, который и так часто видит. Не люблю ожидание. Наручные часы подсказывают, что до пары осталось меньше двадцати минут.

– Начинай.

Голос выводит ее из ступора. Обычно она более сообразительная и расторопная. Роза сжимает ствол у основания рукой и погружает его в свой горячий влажный рот, обводя головку языком. Сегодня я не заставлю тебя долго стараться, я пришел уже возбужденный. Чувствую, как упираюсь в ее глотку – идеальное место в этой женщине. Но мне нужно глубже, милая, я знаю, ты умеешь, если постарайся. Я не хотел наматывать ее черные волосы на кулак, но она слишком плохо старается. И даже язык, блуждающий по всей длине, не спасает.

Глубже, Роза, ну же.

Приходится схватить ее за волосы, не беспокоясь о том, что причиняю ей незначительный дискомфорт. Надавливаю на ее затылок, а она будто просит пощады взглядом, поднимая его на меня. Зря ты посмотрела, милая. Я вижу, что ты хочешь. Выражение ее лица показывает, словно ей нужно нежнее, но глаза – они не лгут. Я насаживаю ее глубже и уже вижу блестящие капли слез. Давай, милая, ты можешь лучше, сожми губки потуже, втяни щеки. И она делает это.

Вот так мне нравится.

Продолжаю направлять ее и начинаю чувствовать то, чего так ждал. Это можно сравнить с желанием чихнуть, когда только хочется, но еще не все. Яйца сжимаются и становятся тверже, пальцы Розы начинают их перебирать. Молодец, милая. Во всем члене начинает скапливаться пульсирующая тяжесть. Я вспоминаю, как веко отделялось от плоти, как кровь брызнула на защитный экран на лице, и подталкиваю рукой последний раз. Роза не спешит отстраниться, моя рука крепко сжимает ее черные волосы. Умница. Сейчас я хочу кончить как можно глубже в тебя. Еще, еще и еще. Мысли на секунду испаряются из моей головы, чувствуется легкость во всем теле, и я перестаю придерживать ее затылок. Этого больше не нужно. Я излился досуха, полностью осушив себя. Прикрываю глаза и ощущаю прохладу на члене, это означает, что он больше не в лучшем месте этой женщины. Не в ее глотке.

Открываю глаза и смотрю, как она пытается привести во-

лосы в порядок. Тщетные попытки. Извини, милая, старалась бы ты лучше, я бы не тронул твою прическу.

Опускаю взгляд вниз, наблюдая красные отметины от помады на члене.

Отвратительно.

В кармане пиджака всегда есть платок на случай необходимости. Вытираю следы и ее излишние слюни, поднимаюсь с кресла и поправляю одежду.

– Благодарю, милая, сейчас мне было это необходимо. – Это совершенно искренне.

Роза улыбается, а я замечаю каплю спермы в уголке ее губ. Рука все еще держит платок, которым я протирал член, белой тканью я собираю прозрачную жидкость с ее лица и бросаю платок на стол. Он безнадежно испорчен, как и мое отношение к ней. Я давно перестал уважать эту женщину, возможно, нужно завершить наше общение.

– Бенджамин, нам нужно поговорить.

Никогда не любил такое начало разговора. А она будто краснеет. Я знаю, что она будет стоять на коленях до тех пор, пока я буду ей позволять. Но мне интересно, что она хочет сказать.

– Я слушаю тебя.

Поправляю ремень и смотрю на часы. Говори быстрее, милая. У меня осталось семь минут.

– На этой неделе мы не сможем больше увидеться, ко мне прилетела дочь, она часто будет в университете в это время.

Роза запинаяется, а я не понимаю, как ее дочь влияет на ее глотку.

– Я не хочу, чтобы Дездемона, Дейзи, – Роза быстро исправляется, но ей нужно было это сделать при рождении ребенка, – что-то заподозрила. У меня и так с ней очень сложные отношения, особенно после ее выходки с Вегасом.

О, милая, не переживай. Все наши тайны останутся за закрытой дверью твоего кабинета. А про ваши семейные сложности мне совершенно неинтересно слушать.

– Конечно, Роза. Не беспокойся.

Она тянется ко мне, чтобы поцеловать. Я разве похож на человека, который будет целоваться после спермы на ее губах? Она сегодня слишком растерянная. Мне не нравится ее поведение. Я отстраняюсь. Отвратительно.

– Мне пора, милая, у меня лекция.

Не обращая внимания на женщину и ее лицо, где точно можно увидеть разочарование, я подхожу к двери и открываю замок.

– Мам, сразу говорю, я не намерена слушать твои нравовучения про август.

Любопытно. Блондинка замирает в дверях и смотрит в упор на меня. Молодая, чуть больше двадцати лет. Красивая. И она не студентка.

В моем вкусе.

Я вижу, как ее взгляд изучает меня. Я уже видел похожий несколько минут назад, глаза как у матери – серые и голод-

ные. Но это меня не смущает. Мне все равно. Единственное, что это тело я бы хотел увидеть без лишней одежды. Но это все подождет. В ее зрачках то, что я так люблю.

Похоть.

Глава 3

Зависть

«Зависть – это плохо», – прочитаете вы на обложке модного журнала, но я так не считаю. Сегодня тема лекции «Психология зависти». Я читаю такой скучный материал, а студенты разве что не заглядывают мне в рот. Особенно женская половина. А вы знали, что зависть – это грех? Смертельный грех, из-за которого мы с вами будем гореть в личном котле Ада.

Спиноза² определял зависть как «неудовольствие при виде чужого счастья» и «удовольствие в его же несчастье». Я не испытываю удовольствие от чужого несчастья, но даже я испытываю *зависть*. Хотя можно подумать: почему? Чего у меня нет, чтобы я мог завидовать другим?

У всех нас есть темная сторона, но кто-то ее показывает, кто-то скрывает. Некоторые умеют жить в симбиозе с ней. Все мы – больные люди. Лишь единицы откровенно признаются в этом.

В крошечном городке Пеннсбург, расположенном на востоке Пенсильвании, стоит маленький дом. В нем хранится коллекция, которую вы вряд ли найдете в музее и, ско-

² Бенедикт Спиноза (1632–1677) – нидерландский философ-рационалист эпохи Нового времени.

рее всего, никогда не увидите вживую. Все стены комнаты на первом этаже увешаны картинами, на которых изображены боль и страдания, черепа различных форм и цветов, женщины в откровенных позах, фольклорные сюжеты и фантастические животные. Однако особенными их делает не столько содержание, сколько авторство: все они были нарисованы серийными убийцами.

Можно ли считать человека, который собирает работы серийных убийц, здоровым? Нормальным? Или он живет в симбиозе со своими демонами? Я давно принял свою темную сторону, я живу и наслаждаюсь ею. Я люблю искать тьму в других. Сейчас передо мной сидят более сорока студентов. Я всматриваюсь в глаза каждому: девушка за соседней партой жует, и ее рот покрыт мелкими крошками, прилипшими к губам.

Вы знаете, какой это грех?

Парень на первом ряду трет свой пах, смотря на девушку с первого ряда, с большими очками и рыжими сальными волосами. Возможно, он думает, что я этого не вижу. А рядом с ним блондинка поглаживает его затылок. Они определенно «пара», которая считает себя даже образцовой и, возможно, моногамной. Но так часто, смотря перед собой, мы не обращаем внимания на главное. Ее дружок уже сорок минут смотрит на не свою единственную. Знает ли она, что его возбуждает? Знает ли она его самую страшную тайну?

Вы знаете, какой это грех?

Моногамия – насилие над собой или высокие чувства? Согласно Ареальной картотеке³ человеческих отношений, из одной тысячи двести тридцать одного изученного человеческого культурного сообщества со всего мира сто восемьдесят шесть были моногамны. Если просто вдуматься в эти цифры? Есть ли шанс у обычного человека быть «моногамным» или верным? Как вам больше хочется. Но исходя из этих цифр, я бы хотел взглянуть в глаза этим ста восьмидесяти шести, чтобы увидеть в них зависть.

Зависть из-за того, что другие делают то, что хотят, спят с теми, кого хотят, а не потому, что положено и нужно трахать только одного человека, или потому, что однажды он так пообещал у алтаря.

Мои мысли совершенно отделились от темы лекции. Студенты смотрят представленные слайды, а я наблюдаю за ними. Я люблю изучать людей, их повадки, жесты, позы. Как они себя ведут. Из-за этого я выбрал преподавание.

За последней партией я замечаю движение.

Дочь моей милой Розы – Дейзи – подседа к мисс Петерсон и что-то шепчет ей на ухо. Любопытно. София смущенно опускает глаза и заправляет прядь белокурых волос за ухо, за этим так интересно наблюдать. Мисс Петерсон делает вид,

³ Ареальная картотека человеческих отношений – основанная на членстве некоммерческая организация (более 300 членских организаций в США и двадцати в других странах). Расположена в городе Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Существует с 1949 года в качестве независимого в финансовом отношении Управления исследованиями на базе Йельского университета.

что ей стыдно, но это не мешает ей странно себя вести.

Кто же ты такая, София?

Я смотрю на эту пару девушек, как они тихо переговариваются и шепчут что-то друг другу на ухо, и буквально чувствую их горячее дыхание у своего виска. Несмотря на то что я кончил в глотку милой Розе около часа назад, я бы хотел повторить это с этими девушками. Как хорошо, что они не мои студентки. Дездемона будто невзначай касается своей груди и поднимает глаза на меня.

Ну здравствуй, милая.

Даже с такого расстояния я вижу серые переливы, будто металл плещется в ее глазах. А она не отводит взгляд – смелая – и поправляет кофту, делая вырез более открытым. О, милая, мне больше нравятся твои глаза, в которых ты уже скачешь на моем члене, твой вырез меня не интересует. Я вижу, как мисс Петерсон хватается свою подругу за локоть, привлекая внимание, и Дейзи отворачивается от меня. Я никогда не трахал в один день мать и дочь. Возможно, сегодня нужно это исправить, а пока нужно закончить лекцию. Меня привлекают игральные фишки, которые лежат на столе у Софии и Дейзи. Они были в Вегасе вместе? Софи не похожа на человека, кто может посетить город огней и греха. Ее стихия пыльная библиотека. Прогоняю эти мысли, нужно завершить лекцию.

Студенты покидают аудиторию, и с ними дочка декана. Я не провожаю ее взглядом, она перестала быть мне интересна,

как только я перестал смотреть в ее глаза, но это не означает, что мы не встретимся с ней позже. Возможно, на столе ее матери или на заднем сиденье моего BMW. Я намеренно покупал вместительную машину, чтобы там легко можно было перевозить тела, но и трахнуть Дейзи там тоже можно, хоть после этого и придется почистить салон. София поднимается с последнего ряда и неуверенной походкой идет ко мне. Милая, не нужно притворства. Я знаю, какая ты. Ты же не скромница. Она покачивает бедрами и приближается к моему столу, я уже поднялся с кресла, завершая презентацию. Мне интересно, что она скажет. Хочется взглянуть в ее глаза, полные желания и стеснения.

– Профессор Рид.

Какой сладкий у нее голос. Отвлекаюсь от проектора и смотрю на нее. Бюстгальтер больше не виднеется из-за уродливого розового свитера, значит, в тот раз это было намеренно? Вы правда хотите поиграть, София?

– Мисс Петерсон, как вам лекция?

Уверен, она не слушала: она переговаривалась с подружкой, смотрела в экран телефона, но она и не обязана была следить за сказанным, весь этот материал она давно изучила. Но это не значит, что я не акцентирую на этом внимание.

– Прекрасна, профессор.

Ее губ касается нежная улыбка, но я вижу то, что скрыто под ней. Это ухмылка. Хитрая, аккуратная и незаметная для обывателя, но не для меня.

– Что вам понравилось больше всего, мисс Петерсон?

Она опять приподнимает аккуратные брови, и на секунду я вижу плескающуюся тьму в голубых глазах. Уверен, сейчас ее ответ меня удивит.

– Больше всего, профессор, мне запомнилось высказывание преподобного Иоанна Дамаскина⁴, который указал на родство зависти и сострадания. Не называя их ни грехами, ни добродетелями, он относит эти понятия к *неудовольствиям* человека.

И она смогла удивить меня. *Неудовольствия*. Любопытно.

– Завидуете ли вы, мисс Петерсон?

Она так внимательно на меня смотрит, но не как большинство: она не изучает фигуру, обувь, она не смотрит на мои губы. Она смотрит в глаза, будто не боясь, словно зная, что там ее тьма.

– Да, профессор, сейчас я завидую, что у вас есть свой курс по психологии, а мне до этого еще несколько лет. И еще я завидую, что вы работаете на полицию Майами, составляя психологические портреты убийц. Это восхищает.

Вы еще раз удивили меня, мисс Петерсон.

– Тогда сегодня после лекций не уезжайте домой, составьте мне компанию по работе на полицию.

И в мгновение в ее глазах заиграла тьма. Будто я чиркнул спичкой над канистрой бензина. *Тьма и похоть*. Я вижу, как

⁴ Иоанн Дамаскин – христианский святой, почитаемый в лике преподобных, один из Отцов Церкви, богослов, философ и гимнограф.

она на секунду переставляет ноги. Ты возбуждалась, милая? Но я же еще даже ничего не сделал? И я вижу, как она берет себя в руки, не буквально, конечно, только глаза ее выдают. Она также стоит, не сжимая пальцы, не отводя взгляд, она моргает, и как только ее веки приподнимаются, из глаз исчезает все то, что я так люблю, оставаясь небесно-голубыми и будто невинными. Как ты это делаешь?

– Благодарю вас, профессор. А чей портрет вы будете составлять сегодня?

Не я, милая, сегодня это будешь ты. А я лишь стану проводником для твоих мыслей, в которые хочу окунуться глубже.

– Вы слышали об убийстве Грине?

Лишь слепой и глухой не слышал об этом. Серийный маньяк, орудовавший по всему США, на его счету уже более тридцати жертв, я давно собираю о нем информацию и, к моему счастью, он был замечен в Майами, похитив двух подростков из частной школы менее недели назад. Есть шанс, что они еще живы.

– Да.

Немногословно, милая, но мне нравится.

– Так вот, мисс Петерсон, сегодня нас ждет встреча с полицейскими на тему портрета маньяка Грине. Он уже есть, но местная полиция захотела обновить информацию.

Она лишь кивает, словно сейчас у нее в голове другие мысли, которые она не решается озвучить. Ну же, милая,

будь смелее со мной.

– Спрашивайте.

Приходится ее подтолкнуть, сегодня уже повторно мне приходится заставлять женщин действовать. Надеюсь, на сегодня это в последний раз.

– Профессор, а вы завидуете?

Третий раз вы удивляете меня, милая София. Возможно, не один я хочу пробраться в вашу голову. Вы тоже хотите?

– Да, мисс Петерсон, я испытываю зависть.

Или она думала, что я солгу? Но зачем лгать в таких мелочах?

– Кому?

Ее небесные глаза смотрят на меня, интересно, она уже раздела меня мысленно? Думаю, да, еще при первом разговоре на улице.

– Не кому-то конкретному, мисс Петерсон, я завидую людям, которые борются со своими демонами и побеждают.

Она опять поднимает брови. Милая, это третий раз за сегодня, не то чтобы я считал.

– А вы проиграли?

С каждым новым словом она становится все интереснее.

– Нет, мисс Петерсон. Я давно победил.

У меня складывается ощущение, что мы говорим об одном и том же. Но разными словами.

– Вы победили своих демонов?

Улыбка появляется на моем лице, а она будто удивлена ей.

Первый раз я улыбался сегодня, когда смотрел в глаза мистера Стоуна на своем столе, и второй – сейчас, когда милая София буквально погладила монстра во мне.

– Я давно принял их. Смею предположить, как и вы, мисс Петерсон.

А она не удивляется словам. София внимательно смотрит мне куда-то в район левого уха и шеи. Достает из кармана юбки клетчатый серый платок. Я, признаться, удивлен. Зачем? Я вижу, как она подносит уголок платка к своему рту и аккуратно облизывает кончиком языка ткань. Но я все еще не знаю, зачем ей это необходимо, хоть признаюсь, движение ее розового кончика языка заставляют меня ощутить опять то, что я недавно оставил в кабинете Розы.

Возбуждение.

Она тянется к моей шее и почти невесомо касается кожи влажным уголком платка. Мне нужно было отстраниться, но я замер в ожидании.

– Вы, наверное, поранились, когда брились?

Ты знаешь, что я не брился этим утром, это видно по моей щетине.

Я вижу темное пятно на платке.

Кровь.

Очень непредусмотрительно с моей стороны. Но платок нужно забрать. Незачем оставлять даже каплю крови в руках незнакомого человека. Я перехватываю ее руку и забираю платок, но, к моему удивлению, София будто этого и ждала.

Я засовываю ткань во внутренний карман пиджака.

– Спасибо, мисс Петерсон, я верну вам новый платок.

– Незачем, у меня всегда есть запасной. – Она вытаскивает еще один такой же. Весьма предусмотрительно, я тоже ношу по два платка. – У вас на вороте рубашки кровь. Рекомендую использовать соляной раствор или перекись на такого рода пятна. Конечно, если они свежие. Увидимся после лекций?

Практикантка хлопает длинными ресницами и почти светится от счастья, вот только я не понимаю почему.

– Спасибо, мисс Петерсон. После лекций, все верно.

Очень глупо с моей стороны. Очень. Я тщательно проверил все на наличие крови. Все, даже самого себя.

– Софи – так меня называют друзья. Или София. Как вам больше нравится, профессор Рид.

Мисс Петерсон не ждет моего ответа, она разворачивается на каблуках как раз в тот момент, когда двери аудитории открываются и заходят следующие студенты. Я бы ответил, мисс Петерсон, как мне больше нравится.

А лучше бы показал.

И желательно сейчас.

Глава 4

Гордыня

Отовсюду веет запах боли
Он мне не чужд, таю́ в себе грехи.
Поддаться стоит этой воле?
Костюм скрывал желания мои.
Коль жизнь моя, желаю я так жить,
Во всем, везде мерещится обман.
Огнем их жечь и резать... просто бить,
Забрать их жизнь так, словно я гурман.
Я – чертов Робин Гуд без стрел,
Я болен. Нет. Я жив.
Ох, этот запах свежих тел...
Поверь, отнюдь я не брезглив.
И мысли прерывает тихий звук звонка.
– Свободны. Прочь все с пары. —
Настойчиво решил я разомкнуть уста.
«Покойтесь с миром, твари».⁵

Обладая необходимыми знаниями, составить портрет серийного убийцы не так уж и сложно. Нужно знать критерии для определения типа. Всего, как ни странно, их два. Все множество можно разделить на два и получить правильный

⁵ Инна Габриэль.

ответ. Представляете?

Вот так просто.

Организованный несоциальный и дезорганизованный асоциальный. Каждый из них уникален и интересен. Но как понять, какой вид попался нам? Мисс Петерсон просматривала материалы дела, и я уверен, что она не повела и бровью от вида крови и сгнивших тел, листала папку, смачивая указательный палец языком, чтобы перелистывать страницы, – я уже заметил эту особенность. Еще сидя в библиотеке и читая роман или научную литературу, она делала это. Смачивала указательный палец кончиком языка и медленно переворачивала страницы. Негигиенично, но очень привлекательно.

В документах по делу есть все необходимое. По соображениям безопасности, полиция не рассылает данные на почту, и ознакомиться с ними можно только тут. Сидя в невзрачном кабинете детектива. Но я в этом кабинете уже был. А Софии пришлось подписать несколько документов о неразглашении и выслушать лекцию о том, что это данные совершенно секретные и не подлежат для разглашения за пределами кабинета.

Так сложилось, что я уже изучил все необходимое. Единственное, я не знаю имени, но и для его определения мне нужно еще пару дней. Я не уверен, что мне удастся успеть до того, как похищенные подростки перестанут дышать. И тут я встаю перед нравственной дилеммой. Рассказать полиции все, что смогу, без привлечения дополнительного внимания

к себе, или выполнить *свою* работу и вычислить убийцу самостоятельно.

Гордыня.

Согласно Фоме Аквинскому⁶, гордыня определяется как «неупорядоченное желание превосходства». Это и мой грех тоже, я хочу быть первым, кто посмотрит в глаза убийце, я хочу видеть, как его руки начнут трястись, я хочу чувствовать аромат страха, который будет возбуждать меня. *Гордыня* – это моя самонадеянность, вера в то, что я все смогу и всего добьюсь самостоятельно, а не с помощью веры или, в данном случае, детектива, который не перестает поглощать сальные пончики и мерзко слизывать с пальцев сахарную пудру причмокивая. Отвратительно. Он не глуп, внимателен и сообразителен, но эта его привычка – раздражает.

Вы знаете, какой это грех?

– Дезорганизованный асоциальный тип серийного убийцы.

Из размышлений меня выводит мисс Петерсон. Неплохо. Что дальше, милая?

– Наш образец обладает низким или ниже среднего интеллектом. Возможно, умственно отсталый.

Первое верно, второе – увы, нет, мисс Петерсон. Она переводит взгляд своих голубых глаз на меня и так невинно смотрит. О, милая, не нужно так стараться быть ангелом, те-

⁶ Фомá Акви́нский – средневековый итальянский философ и теолог, получивший почетный титул Учитель Ангелов.

бе это не к лицу.

– «Наш» образец – не умственно отсталый, но я согласен с мисс Петерсон, уровень IQ не более восьмидесяти трех.

Она так мило поджимает губы, будто и правда ангел. Но я видел, милая, я все видел в твоих глазах.

– Психически нездоров, неадекватен. Презираем или не принят обществом из-за видимых странностей в поведении. Живет за счет родных или государства, может состоять на учете в психиатрической клинике. Такой тип убийц не может наладить контакты с людьми, особенно с противоположным полом.

Как по учебнику, мисс Петерсон. Я лишь киваю.

Незначительные ошибки: он не состоял на учете, иначе его бы давно поймали. Последнее ее предположение заставляет меня усмехнуться, хоть я и не показал этого. Конечно, ему сложно налаживать отношения с женщинами, милая, он предпочитает помоложе.

– Неопрятен, плохо следит за собой. Также не следит за своим жилищем.

– Верно. – Мне нравится мозг этой женщины.

– Преступление совершает спонтанно.

– Да, мисс Петерсон. – С каждым ответом она все интереснее, и даже розовый свитер уже не так сильно меня раздражает.

– Не продумывает детали убийства, не старается уничтожить улики.

София натягивает рукава на ладони, это скорее привычка, она полностью сосредоточена на документах и не следит за движениями.

– Очень хорошо.

– Скорее всего, убивает недалеко от места жительства или работы.

– И да, и нет. «Наш» объект часто переезжает, и он точно не работает. Скорее всего, снимает небольшой дом с подвалом, предпочтительно где-то на окраине. Опять же, он ограничен в средствах, но у него есть машина.

О, милая, ты опять поджимаешь губы, будто обиделась. Я не поверю, что ты случайно сказала про этот пункт. Ты же знала, что *наш* убийца точно не имеет постоянного дома.

– Может, и маркой автомобиля поделитесь, профессор?

Она складывает руки на груди, все еще не отдавая себе отчета в действиях. Но это быстро проходит, через секунду София вновь принимает расслабленную позу, но не сводит с меня взгляда. Мне нравится, когда ты такая, София. Заинтересованная и возбужденная. Я опять вижу искры в твоих глазах.

– Я думал, это очевидно.

Приходится пожать плечами, но это же и правда очевидно, милая. Или ты не видишь этого?

– BMW X7?

Ну, значит поиграем.

– Думаете, у серийного маньяка без работы, без постоян-

ного места жительства и незначительного интеллекта может быть авто марки BMW?

Я поудобнее устраиваюсь на неудобном металлическом стуле и улыбаюсь, смотря на блондинку напротив. Мне интересны ее мотивы. Чего она хочет добиться, а точнее, что я могу дать ей, кроме очевидного? Детектив же просто молчит, следя за нашими переговорами, в которых не будет пленных.

– Вы мне скажите, профессор. – Она игриво наклоняет голову вбок и старательно сдерживает улыбку.

– Девятая страница, мисс Петерсон, там указана марка авто, которую видели после нападения в Детройт-Лейкс, помните, я спрашивал про Грине?

Один-ноль, мисс Петерсон.

Опять ты поджимаешь губы, милая, но кто же виноват, что я уже знаком с материалами дела, а ты смотрела невнимательно.

– Я бы рекомендовал вам искать мужчину за сорок, с судимостью, первая – была до совершеннолетия. Из-за того, что в его деле видны «перерывы» или, как их называют в криминалистике, «периоды охлаждения». Из-за того, что «наш» убийца дезорганизованный асоциальный тип, эти перерывы были вызваны отбытием тюремного срока. Но не ищите пометки, связанные с подростками, он осужден за другое: угон, нападение или что-то незначительное. И совершенно точно: он выходил досрочно. Вам необходимо сопоставить «периоды охлаждения» и осужденных в эти периоды в местах, где

были совершены последние убийства перед перерывами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.